

Я. Н. ЩАПОВ

Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в.

1. История культуры Смоленской земли в XII—XIII вв., как и других сфер ее общественной жизни, в науке последних лет привлекла большое внимание историков, искусствоведов, археологов, языковедов и других специалистов. Этот интерес к прошлому одного из наиболее значительных княжеств феодальной Руси объясняется прежде всего важными археологическими открытиями в Смоленске, которые дали целый ряд новых памятников архитектуры XII—XIII вв., впервые показали образцы смоленской монументальной живописи этого времени, а также позволили представить некоторые характерные черты смоленской архитектуры сравнительно с киевской, переяславской и черниговской. Археологические раскопки открыли и первые смоленские берестяные грамоты, и надписи-графитты, важные для изучения истории общественно-политической мысли Смоленска; они позволили заняться изучением смоленского ремесла и прикладного искусства. Вместе с тем определенную роль сыграл и играет здесь общий методологически важный вывод современной науки о прошлом, согласно которому возникновение на месте относительно единого Древнерусского государства целого ряда феодальных княжеств является той новой политической формой, которая способствовала значительному экономическому, социальному и культурному развитию древнерусских земель. Смоленская земля, таким образом, не была исключением.

В этом плане представляет несомненный интерес и история смоленской литературы XII—XIII вв. В распоряжении исследователей находился только один памятник этой литературы — Житие Авраамия Смоленского, написанное его учеником Ефремом около середины XIII в. Настоящая статья посвящена другому смоленскому памятнику — Похвале князю Ростиславу Мстиславичу, князю смоленскому, а в последние годы своей жизни — великому князю киевскому.

2. Похвала была впервые опубликована в 1909 г. смоленским историком И. И. Орловским.¹ Свидетельства Похвалы и следующей за ней летописной записи о заботе князя Ростислава о смоленской кафедральной

¹ И. И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыне и раскопки его развалин. — Смоленская старина, вып. 1, Смоленск, 1909, стр. 211—212, прим. 2 (далее: И. И. Орловский). Текст перепечатан в кн.: М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964, стр. 125. Более ранние упоминания этого памятника при описании рукописей см.: К. Калайдович и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей ... гр. Ф. А. Толстова. М., 1825, стр. 418 (№ 254); А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 38.

церкви, об освящении ее епископом Мануилом (с датой 1142—6650 г., как ее предложил понимать Орловский) неоднократно привлекаются исследователями истории смоленского зодчества.² Однако сам памятник еще не был предметом специального исследования, хотя он представляет несомненный интерес и как литературное произведение, и как исторический источник.

Прежде всего нужно установить текст Похвалы. Исследователи пользуются текстом Похвалы, называя ее «записью в Нифонтовском сборнике», по указанной публикации И. И. Орловского. Но сравнение текста публикации с рукописью³ и с копией Похвалы, снятой с этого сборника в начале XIX в. для Н. П. Румянцева,⁴ убеждает в том, что публикация Орловского была сделана именно по румянцевской копии.⁵ Это сравнение показывает также, что копиист не везде правильно воспроизвел текст,⁶ в частности неверно передал дату в конце памятника: вместо $\overline{\text{S. X. II. II-e}}$ (6658-e) он написал $\overline{\text{S. X. II.}}$ и $\overline{\text{E}}$ (6650 и 5). И. И. Орловский также допустил искажение, изменив начальные слова «Сеи треблаженный...» на «Сеи великий преблаженный...». Воспроизводя дату памятника по его копии (6655, что может соответствовать 1147 г.), И. И. Орловский и при публикации его, и в своем исследовании счел возможным заменить ее на 1142 г.⁷ Эта дата была принята и другими исследователями.

Таким образом, при ссылках на «запись в Нифонтовском сборнике» исследователи фактически опираются на недоброкачественный текст публикации.

В приложении к настоящей статье текст памятника публикуется по Нифонтовскому сборнику XVI в. Похвала в сборнике написана одним почерком, на л. 469—469 об., в самом начале новой тетради, и занимает первую ее страницу и две строки на обороте листа. В конце предыдущего листа, л. 468 об., киноварью и другой рукой вписано заглавие па-

² См.: И. И. Орловский, стр. 211—212; М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска, стр. 14, 25—27; Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники.—Советская археология, 1967, № 3, стр. 287—302. А. В. Поппе высказал предположение, что как интересующий нас текст, так и запись в сборнике киевского Михайлова Златоверхого монастыря (о которой ниже) «восходят, несомненно, к поздней традиции, хронологические соображения которой о постройке Успенского собора в Смоленске исходят из даты смоленской грамоты», где упоминается 6659 г. (А. В. Поппе. Упреждательная грамота Смоленской епископии.—Археографический ежегодник за 1965 г., М., 1966, стр. 70, прим. 48). См. также: А. Рорре. Fundacja biskupstwa smoleńskiego.—Przegląd historyczny, t. 57, Warszawa, 1966, zeszyt 4, str. 553).

³ Нифонтовский сборник. Рукопись ГПБ, Q.XVII.15 (бывш. собр. Толстого, II, 254).

⁴ ГБЛ, собр. Н. П. Румянцева, № 34, л. 4—4 об. Запись копииста: «Выпис[ано] из кни[ги] в 4-ю [долю], хранящейся в Вол[околамской] Иосифовск[ой] библиотеке под № 8-м (по старой описи), назыв[аемой] сборник Нифонтовской на еретики и от правл, стр. 505».

⁵ И. И. Орловский пишет о публикуемом памятнике: «Эта повесть помещена в Нифонтовском сборнике библиотеки Иосифо-Волоцкого монастыря, ныне принадлежащем б-ке Москов. духовн. академии. Копия с нее, снятая для графа Румянцева, -- в Моск. Рум. музее (Опись рук. музея, Востокова, № XXXIV)» (И. И. Орловский, стр. 212). Ошибка И. И. Орловского, считавшего, что сборник хранится в библиотеке Московской духовной академии (МДА), вызвана, очевидно, тем, что большая часть рукописей монастыря действительно была передана в МДА.

⁶ Так, в заглавии памятника «О великом кн(я)зе Мьстиславе Смоленском и о ц(е)ркви» И. И. Орловский, не оговорив этого, изменил имя «Мстиславе» на «Ростиславе», стремясь, очевидно, привести это заглавие в согласие с содержанием статьи; он изменил также ряд слов и выражений: вместо «к цркви» написал «и црковь», вместо «сия» — «своя», вместо «кончася» — «скончася», вместо «на многа» — «нам многа»; кроме того, он опустил фразу «паки ли да сам си веда», может быть не поняв ее.

⁷ И. И. Орловский, стр. 211—212.

мятника «О великом князе Мсьтиславе Смоленскомъ и о церкви». Это ошибочное заглавие возникло, очевидно, только в нашем сборнике при вписывании заглавий к его статьям, которые их не имели. Появление его можно объяснить невнимательным чтением начала памятника, где действительно упоминается князь Мстислав.

Обращает на себя внимание слово «да» в контексте «и кончася месяца марта да еще кто поревнуеть того блаженного и святого князя...»; вероятно, это — искажение числа дня смерти князя. Следуя за указанием даты смерти Ростислава в Ипатьевской летописи — 14 (ДІ) марта, —

мы считаем возможным заменить в тексте слово «да» на число «ДІ».⁸

3. Известный историком русской публицистики и литературы XV—XVI вв. Нифонтовский сборник представляет собой рукопись, составленную по указанию и при участии игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына в этом монастыре, очевидно постепенно, в 1530-х—начале 1540-х годов.⁹ Это историко-полемический сборник, содержащий сочинения в защиту истинности официального русского православия против других, нехристианских и неправославных исповеданий, а также против еретических, неофициальных течений внутри русского православия. О таком характере сборника говорят включенные в него сказание о победе Андрея Боголюбского над волжскими булгарами в 1164 г., сказания о гневе божьем против католиков (о чудесах при постройке немецкой ропаты в Новгороде), послания старца Филофея против латинян, «Сказание о новоявившейся ереси» Иосифа Волоцкого и другие памятники.

Похвала князю Ростиславу заинтересовала составителя сборника, видимо, как сочинение, показывающее древность православия на Руси и успехи, связанные с его распространением, тем более что незадолго до возникновения сборника, в 1514 г., Смоленск, захваченный Витовтом, был возвращен Московскому великому княжеству.

⁸ Источники противоречиво указывают дату смерти Ростислава. Ипатьевская летопись, содержащая подробный рассказ о смерти и погребении князя, записанный от свидетелей событий, сообщает о его смерти 14 марта в селе Зарубе (в Смоленской земле) и погребении в Киеве 21 марта (ПСРЛ, т. II, М., 1962 (далее: Ипат.), стлб. 532). В Лаврентьевской летописи днем смерти названо 21 марта, а о дне погребения не говорится (ПСРЛ, т. I, М., 1962 (далее: Лавр.), стлб. 353). Возможно, что дата смерти здесь ошибочно перенесена на день погребения. Ростислав умер в 1167 г. Рассказ о его смерти и погребении в Ипатьевской летописи находится в конце статьи 6676 г., после рассказа о длительной поездке его в этом году в Смоленск и Великие Луки. Как определил Н. Г. Бережков, дата этой статьи обозначена двумя единицами выше мартовского года (Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 117—118). Основываясь на том, что в Лаврентьевской летописи о смерти Ростислава говорится в начале статьи 6675 мартовского года, Бережков датирует смерть Ростислава 14 марта 6675 г., т. е. 1167 г. (там же, стр. 67, 178—179). В «Книге о российских святых», сочинении XVII в., датой смерти Ростислава также названо «лето 6675 марта в 14 день», что Н. Барсуков, а за ним и Е. Е. Голубинский переводят как 1167 г. (см.: Н. Барсуков. Источники русской агнографии. СПб., 1882, стлб. 467—468; Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е. Б. м., б. г., стр. 345, 365). 21 марта 6673 г. датирована смерть Ростислава в Супрасльской летописи, включившей, как предполагал А. А. Шахматов, во второй половине XV в. смоленские известия (см.: Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. 1836, стр. 132; А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 234—236).

⁹ Запись Нифонта воспроизведена в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 464. Нифонт был игуменом Волоцкого монастыря с 1522 г., в 1543 г. переведен в Новоспасский (см.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 142).

4. Автор панегирика Ростиславу пишет о том, что этот князь сделал достойного похвалы и памяти истории. Это — учреждение епископии в Смоленске по повелению бога и богородицы и по благословению его отца, упомянутого Мстислава. Здесь содержится очень выразительный, строгий в своей прагматической простоте и в то же время несущий немало ценной информации рассказ об обстоятельствах этого акта. Ростислав, впервые пришедший княжить в Смоленск, узнал к своему неудовольствию, что главная церковь его княжества подчинена Переяславской епископии («и негодова»). Князь решил исправить положение. Собрав совет своих бояр и горожан («людей»), он решил превратить городскую церковь в кафедральную церковь новой Смоленской епископии, «поставил» в ней епископа, выделил часть доходов от всей подвластной ему территории («уял часть от всея области своея») и дал их как этой церкви, так и епископу. Всем этим Ростислав способствовал большему приобщению к свету христианства своих подданных. За эти благочестивые дела, показавшие его достойным христианином, Ростислав получил киевский великокняжеский стол и заслужил вечное спасение. Похвала включает упомянутое выше сообщение о смерти князя 14 марта и завершается призывом к его современникам и наследникам последовать примеру князя, а также провозглашением ему вечной памяти, а его современникам — долгих лет жизни.

5. Интересующее нас произведение по своему типу является некрологической, или посмертной, похвалой князю. В древнерусской литературе можно выделить два вида таких кратких похвал.

Один вид — это летописная похвала, представляющая обычно часть летописного рассказа о последних днях и смерти того или иного политического деятеля. Много таких похвал находится в составе Повести временных лет, Ипатьевской¹⁰ и Лаврентьевской летописей.¹¹ Известны летописные похвалы XIII в. и церковным деятелям — епископам.¹²

Второй вид краткой похвалы, известной в древнерусской литературе, — это «памяти», или «синаксари», древнерусским святым в Прологе. В раннюю редакцию древнерусского Пролога, сохранившуюся в списках XIII—XIV вв. и более позднего времени, включены наряду с памятниками византийских и южнославянских святых также памяти киевских и черниговских князей: Бориса и Глеба (5 сентября), княгини Ольги (11 июля), князя Мстислава, отца Ростислава (15 апреля), Михаила Черниговского (23 сентября).

Между проложными памятниками святых-князей, почитаемых церковью, и посмертными похвалами князьям в летописях существует определенное сходство. Можно говорить о существовании древнерусского жанра княжеской похвалы, имеющего свое особое назначение и свою особую тему, характеризующегося определенным своеобразием приемов изображения героя. Летописные похвалы и проложные памяти древнерусских князей внутри этого жанра составят, очевидно, своеобразные поджанры, отличающиеся особенностями их назначения. Однако жанровое сходство этих двух видов литературных памятников выразалось, очевидно, и в функциональном их сходстве.¹³

¹⁰ Ипат., стлб. 289, 303, 550—551, 610—611, 617, 703—706, 715—716 (под 1201 г.), 920—927.

¹¹ Лавр., стлб. 293, 295, 367—371, 436—437, 442—443, 466—467.

¹² В Лаврентьевской летописи есть посмертная похвала епископу ростовскому Пахомию (Лавр., стлб. 439).

¹³ Д. С. Лихачев обращает особое внимание на «служебный характер» жанров в древнерусской литературе: «в русской средневековой литературе ... жанры различаются по тому, для чего они предназначены» (Д. С. Лихачев, Система лите-

Как посмертная похвала князю, наш памятник ближе всего стоит к летописным похвалам Всеволоду (1093 г.), Владимиру Мономаху (1125 г.), сыновьям Ростислава и Владимиру Васильковичу (1289 г.). Это все сочинения одного ряда, рассказывающие о достойных похвалы и подражания качествах и поступках князя.

Однако и от этих близких по содержанию и формам похвал смоленская Похвала значительно отличается. Проследим эти отличия, как и то общее, что объединяет ее с жанром посмертной и проложной похвалы. Похвала начинается формулой «Сей . . . князь», обычной для похвальных слов, житий и других просопографических сочинений. Близкими формулами («Сии благоверныи князь. . .») начинаются похвалы Всеволоду (1093 г.), Святославу (1172 г.), Глебу (1173 г.), Мстиславу (1179 г.), Давиду (1198 г.), Владимиру Васильковичу (1289 г.). «Благоверным и христолюбивым» назван Андрей (1175 г.), «блаженными» — Константин (1218 г.) и погибший от рук иноверцев Василько (1237 г.), «великими» — Мстислав (ум. 1132 г.) и Всеволод (1212 г.). «Благоверным князем» именуется своего героя и проложная память св. Мстислава; «блаженными» обозначены в памятях княгиня Ольга и князь Михаил.

Князь Ростислав в нашей Похвале назван не просто «благоверным», а «треблаженным и святым», и этим выделен среди других членов княжеского рода, как достойный особой благодати и особого отношения со стороны современников. Это говорит, очевидно, о церковно-политических претензиях автора Похвалы к установлению церковного почитания этого смоленского и великого киевского князя, что представляет особую тему.

Если князь, как личность, достойная особого почитания за свои христианские заслуги, выделен в Похвале этими особыми эпитетами, то формула с упоминанием имен его отца и деда типична для летописных сообщений о смерти князей начиная с записи 1093 г. о смерти Всеволода, сына Ярослава, внука Владимира, в Повести временных лет. До этого в летописных похвалах указывалось обычно только имя отца князя, а не деда.¹⁴ Двучленная формула дана в проложной памяти Мстислава, отца Ростислава.¹⁵ В смоленской Похвале генеалогическая формула включена в ее состав, что может быть объяснено самостоятельным существованием памятника, большей его цельностью и меньшей связью с летописным рассказом, с повестями о смерти, которые обычны для летописных похвал.

Важнейшей частью летописной некрологической похвалы является обычно перечисление достойных памяти и подражания качеств и поступков князя.¹⁶ Все или почти все герои этих произведений украшены различными добродетелями: они благонравны (Владимир Мономах, Глеб, Святослав, Давид), иногда с раннего детства любили правду (Всеволод Ярославич) и почитали Христа и богородицу (Андрей), заботились о немощных, любили черноризцев (Всеволод Ярославич, Владимир Мономах,

ратурных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 54).

¹⁴ Трехчленная генеалогическая формула применена, однако, уже в похвалах князю Владимиру Иларнона (Прибавления к творениям святых отцов, ч. II. М., 1844, стр. 38; L. Müller. Des Metropolitens Parion Lobrede auf Vladimir der Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 100) и Иакова монаха (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 1-я половина. М., 1901, стр. 239).

¹⁵ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, Тексты, стр. 48.

¹⁶ Реконструкцию художественной системы изображения людей в древней Руси по «некрологическим характеристикам» князей в летописях наряду с другими источниками содержат работы Д. С. Лихачева, см.: Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954; 2) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958; изд. 2-е, М., 1970.

Глеб, Святослав, Андрей, Всеволод Юрьевич), оказывали честь епископам (Всеволод Ярославич, Давид) и попам (те же и Владимир Мономах). Группа княжеских похвал сыновьям Ростислава — братьям великого князя Рюрика — имеет ряд характерных общих черт, которые служат для М. Д. Приселкова одним из свидетельств принадлежности всего летописного рассказа 1170—1190-х годов автору свода 1200 (1199) г. — игумену Выдубецкого монастыря Моисею.¹⁷

Некоторым князьям даются характеристики, не повторяющиеся в других похвалах. Так, Всеволод Юрьевич судил истинно и не лицемерно, не боялся выступить против бояр, обижающих «меньших», а Василько, наоборот, особенно любил бояр и своих слуг. Давид имел твердое слово и не нарушал своих обещаний и договоров с братьями. О Владимире Мономахе говорится, что он отличался милостью к своим врагам; позже этот элемент похвалы вместе с другими повторяется применительно к князьям XII—XIII вв. Наряду с христианскими добродетелями в ряде случаев подчеркивается и воинская доблесть князя: он любил дружину, всегда стремился к великим подвигам, был «крепок на рати» (Святослав, Давид, Мстислав), был знаменит своими победами, его имени боялись в чужих странах (Владимир Мономах; эта характеристика повторена в похвале Всеволоду Юрьевичу). О воинской доблести Василька ничего не говорится, но сказано зато, что он был храбр на охоте. В некоторых случаях подчеркивается, что князь воздерживался от пьянства (Всеволод Ярославич, Андрей Боголюбский), от похоти (первый из них). Иногда несколькими мазками дается и внешний, обычно привлекательный облик князя: высокий рост, красивое лицо (Мстислав и Роман Ростиславичи), выразительные глаза (Давид, Василько), широкие плечи (Роман Ростиславич) и др.

В проложных статьях перечисление добродетелей святого князя также является обязательной чертой этого жанра. Князь Мстислав был добродетелен, милостив ко всякому, не любил богатства и не брал в руки серебра и золота. Князь Михаил Черниговский с детства возлюбил Христа и богородицу, отверг всю пустоту этого света, богатство и временную славу, которая «ничтожнее паутины». Кирилл Туровский, согласно ранней статье, находящейся в Прологе XV в.,¹⁸ не любил богатства и славы, хотя и происходил от богатых родителей.

Наряду с более или менее общей характеристикой качеств князя по смертные похвалы включают обычно и указания на его конкретные дела. Это, как правило, постройка церквей. О Владимире Мономахе, Романи и Давиде Ростиславичах, Андрее, Всеволоде Юрьевиче, Владимире Васильковиче говорится, какие и где построили они церкви и как их украсили, а о последнем сказано и то, какие города он поставил и укрепил. В проложной статье о Мстиславе сообщается о том, что он построил две церкви: Благовещения в Новгороде на Городище и Федора (Федоровский ктиторийский монастырь в честь собственного святого) в Киеве.

Этот сжатый перечень княжеских характеристик по более чем 10 летописным похвалам и некоторым проложным памятникам здесь приведен для того, чтобы наглядно показать, во-первых, некоторые черты, присущие жанру краткой похвалы князю, а, во-вторых, место Похвалы Ростиславу среди них. В нашей Похвале нет или почти нет ничего из этого богатого ассортимента стандартных и индивидуальных характеристик, приме-

¹⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 48.

¹⁸ ГБЛ, собр. Большакова, № 188, под 28 апреля.

явившихся авторами летописных похвал и проложных памятей конца XI—XIII в. Здесь дана только скупая, но многозначительная формула «треблаженный и святой», имеющая, как было сказано, определенное церковно-политическое значение.

Из всех возможных княжеских поступков и добродетелей в смоленской Похвале обыгран только один акт, который описан, однако, подробно и выразительно: устройство церкви в Смоленске, учреждение тамошней епископии и ее обеспечение, и вся Похвала построена именно на выдвигании этого дела, как достаточного для его прославления и почитания. Все другие дела Ростислава, как возведение им новой городской оборонительной стены, строительство крепости Мстиславль на реке Вехре, защищавшей Смоленск с юга, сооружение огромного собора в Борисоглебском монастыре на Смядыни, ставшем со временем княжеской резиденцией,¹⁹ а также нескольких светских и церковных зданий в Кремле,²⁰ оказались с точки зрения автора Похвалы не идущими в сравнение с тем основным деянием, которому она посвящена.

6. Все содержание Похвалы Ростиславу говорит о том, что это памятник смоленского происхождения. Киевское великое княжение, о котором здесь только упоминается, хотя и очень многозначительно, подано как награда князю за его заслуги перед Смоленском. Есть основание говорить о принадлежности автора Похвалы к кругам, тесно связанным с той смоленской церковью Богородицы и епископской кафедрой, которые упоминаются в Похвале. На такую близость автора к кафедре указывает также формула мотивировки поступков князя в Похвале: «Божиим повелением, и святые богородици, и отца своего молитвою». Она чрезвычайно близка к начальным словам другого смоленского памятника, связанного с князем Ростиславом и епископом Мануилом, — уставной грамоты князя смоленской епископии 1136 г.: «Бог, и святая богородица, и отца моего молитва». Такая аналогия позволяет предположить в авторе клирика того же кафедрального собора, с которым была связана и уставная грамота Ростислава 1136 г.

7. Формула «царствовать во всей Руской земли» для обозначения великого киевского княжения сейчас не является неожиданностью. После обнаружения С. А. Высоцким графитти с сообщением о смерти Ярослава Мудрого Б. А. Рыбаков в связи с расшифровкой этой надписи собрал сведения об употреблении титула «царь» применительно к древнерусским князьям и пришел к выводу, что царский титул в XII в. на Руси был привилегией великого князя киевского.²¹

Впервые этот титул, равный по значению титулам «каган» и «император», был принят, очевидно, как предполагал М. Д. Приселков, в 1037 г.,²² когда на Руси было восстановлено единовластие киевского князя Ярослава Владимировича, и остался титулом князей, сидевших на

¹⁹ Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II. М., 1896, стр. 153—154; М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска, стр. 21—22, 29—30, 126.

²⁰ Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники. — Советская археология, 1967, № 3, стр. 287—302.

²¹ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, стр. 16. Правда, нужно отметить, что термин «царь» (или «цесарь», если этим словом расшифровывалось написание с выносной буквой с) в литературном повествовании применялся (но не как титул) и к другим князьям, подчеркивая их высокие достоинства. Так, в Похвале смоленскому князю Давиду, сыну Ростислава, никогда не княжившему в Киеве, перечисляются его достоинства, в том числе любовь к дружине и наказание злодеев («а злыя кажня, якоже подобает царемь творити») — Лавр., стлб. 703, под 1197 г.).

²² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 81.

великокняжеском столе, помогая им в их борьбе за супрематию на Руси и суверенитет Древнерусского государства среди других государств Европы и Азии. Похвала Ростиславу дает нам еще один случай применения этого титула во второй половине XII в., причем вновь тесно связывает его с киевским столом, с главенством «во всей Руской земле».

8. Одной из основных задач автора Похвалы было, очевидно, утверждение за князем Ростиславом права на церковное почитание, права на канонизацию. Об этом говорит многозначительное именование его такими необычными для жанра посмертных похвал (но хорошо известными в житиях святых) словами, как «треблаженный и святой» князь. Причем в нашей Похвале эти слова применены дважды, в начале и в конце ее, образуя форму своеобразного рондо. Как было показано выше, князя в похвалах обозначаются обычно термином «благодарный», а князь-мученик Василько, получивший церковное почитание, Ольга и Михаил Черниговский названы «блаженными».

Среди русских святых, официально канонизированных в XVI в., Ростислава смоленского нет, однако не подлежит сомнению, что церковное почитание его в древности имело место. О таком почитании говорит включение имени Ростислава с точным указанием даты его смерти²³ в русское агиографическое сочинение — «Книгу о российских святых», которую Е. Е. Голубинский датирует второй половиной XVII в.,²⁴ а Сергей — концом XVII — началом XVIII в.²⁵

Учреждение церковного почитания Ростислава в Смоленске во второй половине XII в. свидетельствует, очевидно, о стремлении получить в политической (и церковно-политической) борьбе древнерусских княжеств такой важный дополнительный шанс, как культ смоленского князя. Однако ни смоленская Похвала, ни киевские памятники ничего не говорят о том, имели ли эти смоленские тенденции какую-либо поддержку в Киеве. Можно думать, что приход в Киев нового митрополита — грека Константина II в 1167 г., вскоре после смерти Ростислава,²⁶ не способствовал утверждению этого культа. Наряду с определенными политическими соображениями — в пору острой борьбы вокруг кандидатуры Клим Смолятича и его наследников Ростислав вел двойственную политику по отношению к киевским митрополитам — определенную роль сыграло, очевидно, то, что для учреждения этого культа не было необходимых формальных оснований. Я имею в виду такое важное требование религиозного сознания средневековья к кандидату в сонм святых, как открытая демонстрация внимания к нему со стороны небесных сил, проявляющаяся в чудесах после смерти или при смерти. Без этого условия культ Ростислава в первые века после его смерти едва ли мог быть официально утвержден и распространен.

Каким же путем упоминание Ростислава с точным указанием даты его смерти оказалось в рукописях XVII в. среди «святых града Киева»? Нужно обратить внимание на то, что эта дата дана в форме, отличной от сообщений старших Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Как было указано выше, в Ипатьевской сообщении о смерти дается в конце статьи

²³ «Святой благодарный великий князь Ростислав Мстиславич преставися в лето 6675, марта в 14 день» — выписка из «рукописи Савваитова» (л. 2). Опубликовано в кн.: Н. Барсуков. Источники русской агиографии, табл. 467.

²⁴ Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е, стр. 310—311.

²⁵ Арх. Сергей. Полный месяцеслов православного Востока, т. I. М., 1875, стр. 309.

²⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 32.

6676 г. (а не 6675 г.), а в Лаврентьевской ошибочно указан день смерти — 21 марта (а не 14 марта). Видимо, составители «Книги о российских святых» опирались на источники, отличные от киевской и суздальской летописных традиций, — очевидно, на местную киевскую внелетописную традицию, возможно связанную с Федоровским монастырем. Хотя сведений о функционировании Федоровского монастыря в послемонгольское время нет, что дало Голубинскому повод заключить о его разрушении монголами,²⁷ развалины монастыря стояли еще в XVII в.²⁸ Возможно, что источником «Книги о святых» в этой части были сохранившиеся местные монастырские памятные записи, хотя исключить возможность использования в ней материалов и смоленского происхождения также нет оснований.

9. Исследователь, занимающийся памятниками права древней Руси, дипломатикой древнерусского акта, не может не обратить внимания на определенную близость некоторых составных частей Похвалы Ростиславу и порядка их расположения к обычным дипломатическим формулярам средневекового документа. Действительно, части Похвалы находят соответствие в целом ряде типичных актовых компонентов.²⁹ Так, фраза «божием повелением и святые богородици, и отца своего молитвою» находит прямое соответствие в «аренге» документов — мотивировке поступка князя, часто духовной, указанием свыше; фраза «прииде первое... и здума с боры своими и с людьми» может быть сопоставлена с «наррацио» актов — рассказом о фактах, приведших к записи воли издателя документа; текст «и постави епископа... и землю просвети» очень близок к актовому «диспозицио» — изложению этой воли или действий, создающих новое правовое состояние. Далее, Похвала включает также своеобразную «санкцию» — обещание вознаграждения тому, кто сравнится с Ростиславом своими поступками, и лишения высшей поддержки тому, кто не последует этому примеру. Наконец, Похвала завершается пожеланием вечной памяти Ростиславу и многолетия его наследникам. Даже эта фраза вместе с заключительным «аминь» может быть сопоставлена с завершающим актовым компонентом — «аппрекацио», т. е. пожеланием, чтобы документ был действительным вечно.

Результаты сравнения структуры Похвалы Ростиславу с актовым формуляром весьма любопытны. Они могут быть объяснены прежде всего тем, что сознание человека средневековья было, очевидно, определенным образом связано юридическими формами, что особенно проявлялось в такого рода сочинениях о князьях, представителях высшей государственной власти.

Автор Похвалы Ростиславу здесь не является одиноким. Подобные же части, соответствующие компонентам актового формуляра, можно проследить и в Похвале Владимиру Илариона, хотя они там не так бросаются в глаза, как в смоленской Похвале. Там также есть своеобразная «аренга» («прииде на нь посещение вышнего, призре на нь всемилостивое око благого бога...»), и «наррацио» («И се слышав, възжела сердцем и възгореся духом...»), и «диспозицио» — подробный рассказ о том, что сделал Владимир, окрестив Русь. Здесь отразился даже такой компонент формуляра, отсутствующий в Похвале Ростислава, как «корробоацио» — перечисление свидетелей, которые утверждают акт, придавая ему обязательную силу.

²⁷ Е. Е. Голубинский. История канонизации святых..., стр. 58, 365.

²⁸ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 276.

²⁹ Из большой литературы по дипломатике акта укажу: К. Maleczyński. Zarzys dyplomatyki polskiej wieków średnich, cz. 1. Wrocław, 1951, ss. 23—26, С. М. Каштанов. Дипломатический состав древнерусского акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. II. Л., 1969.

Именно с этим элементом можно сопоставить такие выражения Илариона, как «добр послух благоверию твоему, о блаженниче, святая церква святых богородица Мария», «добр же зело и верен послух сын твой Георгий».³⁰

Хотя связь формы Похвалы Ростиславу с формой актов не является исключительной для этого произведения,³¹ все же можно сказать, что автор Похвалы прекрасно владел распространенной юридической формулой и мыслил в своем труде в определенной степени юридически. Возможно, что он был связан с таким учреждением, как епископская канцелярия, занимался составлением документов кафедры. Автор смоленского произведения был, очевидно, не только политиком и писателем, но и юристом.³²

10. Обратимся ко второй части нашего памятника, следующей после Похвалы Ростиславу, — к летописной записи об освящении смоленской церкви Богородицы. В этой записи говорится, что церковь была освящена епископом Мануилом 15 августа 6658 г., причем этот год соответствовал 13-му индикту. Такая дата показывает, что перед нами сентябрьский, византийский календарный год и что освящение церкви произошло 15 августа 1150 г.

Смоленская летописная запись в Нифонтовском сборнике представляет немалый интерес в целом ряде аспектов, и прежде всего как исторический источник. Согласно этой записи, церковь Богородицы, функционировавшая как кафедральная церковь Смоленской епархии с 1136 г., была освящена в 1150 г. Сравнительное изучение этой записи совместно со смоленскими известиями в Михайловском сборнике XVII в. (о которых ниже), уставной грамотой Ростислава смоленской церкви Богородицы 1136 г. и записью о смерти Ростислава в Супрасльской летописи, а также результаты археологического исследования собора Н. Н. Ворониным показывают, что здесь говорится не о первом освящении церкви, а о вторичном, связанном, очевидно, с осквернением святыни в ходе политической и церковно-политической борьбы князя Изяслава Мстиславича в 1147—1150 гг. за митрополичью кафедру для митрополита Климасмолятича, своего ставленника.³³

11. Смоленская Похвала и летописная запись при ней дают определенный материал для суждений о существовании смоленского летописания в XII в. — загадке, не решенной до сих пор.³⁴ Раннее смоленское летописание — особая сложная тема, ждущая своего исследователя. Однако уже изучаемые нами источники позволяют увидеть некоторые следы летописной работы в Смоленске XII в.

³⁰ L. Müller. Des Metropolitens Harion Lobrede..., S. 102, 103, 105—107, 120—121.

³¹ Нельзя не обратить внимания также на то, что определенную близость к форме юридического документа обнаруживают те сочинения о князьях, которые ставят своей целью обоснование прав князей на канонизацию.

³² О связи и Илариона с памятниками права и участия его в кодификации и записи норм церковного права на Руси см.: Я. Н. Цапов. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — Византийский временник, т. 31, М., 1971, стр. 73—78.

³³ Подробнее о значении этой летописной записи для изучения церковно-политической и архитектурной истории Смоленска см.: Я. Н. Цапов. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, стр. 140—146.

³⁴ Среди работ, касающихся вопроса о летописании в Смоленске, нужно назвать: А. Клебанов. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV в. М., 1871; А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 234—236, 253, 369; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908, стр. 438—538; В. А. Арнаут-ов. «Киевская» летопись Супрасльского сборника. (К вопросу о смоленском летописании). — ИОРЯС, т. XIV, СПб., кн. 3, 1910, стр. 1—34; Ф. П. Сушицкий. Западнорусские летописи как памятники литературы, ч. I. Киев, 1921.

Летописная запись в Нифонтовском сборнике очень близка к записи об освящении церкви Богородицы среди известных смоленских известий в Михайловском сборнике XVII в.³⁵

Михайловский сборник

Лета 6650 августа 15, индикта 13 осветится церковь святых Богородица внутри града Смоленска от Мануила первого епископа града Смоленска.

Нифонтовский сборник

Святылище святые Богородици освятятся от Мануила первого епископа града Смоленска месяца августа 15 день, индикта 13 в лета 6658-е.

Сравнение этих записей показывает, что в основе обеих лежит одно и то же сообщение, изложенное теми же словами, причем текст в Михайловском сборнике по своей форме (дата и событие: кто, где и что сделал), традиционной для краткой летописной статьи, близок к другим смоленским сообщениям, находящимся на той же странице. Текст Нифонтовского сборника значительно отличается от этой традиционной формы, что можно объяснить его связью с Похвалой Ростиславу. Михайловская запись содержит искаженную противоречивую дату,³⁶ которая должна быть исправлена по Нифонтовской записи. Дополнительное указание «внутри града Смоленска» очень хорошо согласуется с топографическими указаниями такого рода в других смоленских записях Михайловского сборника. У нас нет никаких оснований заподозрить влияние одного из этих текстов на другой. Обе рукописи имеют различное происхождение, связаны с различной территорией и археографической традицией,³⁷ хотя между ними можно проследить определенную идейную близость — защиту православия против других исповеданий и еретичества. Смоленские летописные записи — это единственные памятники, смыкающие два сборника текстуально.

Все это позволяет видеть в смоленских летописных известиях обоих сборников фрагменты смоленского летописания XII—XIII вв.: в Нифонтовском сборнике — в особой переработке XII в., в Михайловском — в более близком к источнику виде, но в тематической выборке XVII в. на тему о княжеских сооружениях в Смоленске и с искажениями некоторых дат.³⁸

12. При сопоставлении летописной записи Нифонтовского сборника с летописной записью Михайловского сборника обращают на себя внимание два изменения, сделанные редактором первой записи, придавшим ей тем самым особую стилистическую окраску. Первое — это замена обычного и лишнего эмоционального звучания слова «церковь» словом «святыхище»

³⁵ Государственная научная библиотека АН УССР в Киеве, собр. Петрова, № 476 (1656), л. 196. Краткое описание см.: Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II. М., 1896, стр. 153—154. Здесь же опубликованы (не точно, с некоторым искажением дат) летописные записи: 6642 г. — о постройках Ростислава в Смоленске и на Вехре; 6650 г. — об освящении церкви Богородицы Мануилом; 6746 г. — о постройках Давида Ростиславича в Смоленске; 1611 г. — о взятии Смоленска королем Сигизмундом III и взрыве соборной церкви.

³⁶ 6650-й сентябрьский год соответствовал не 13-му, а 5-му индикту; 13-й индикт имели годы 6643 (1134/35, до поставления Мануила епископом весной 1136 г.), 6658 (1149/50), 6673 (1164/65, после перехода Ростислава на киевское княжение) и 6688 (1180/81, после смерти Ростислава).

³⁷ Михайловский сборник содержит историко-литературные произведения и выписи по истории Восточной Европы XV—XVII вв., направленные, в частности, против латинства. Смоленские известия включены в него, очевидно, в связи с взятием города в 1611 г. поляками и разрушением кафедральной церкви. Сборник составлялся в первой половине XVII в. на белорусских землях Речи Посполитой и, возможно, связан с Пинском.

³⁸ Третий фрагмент смоленского летописания того же времени можно видеть в летописных статьях сборника конца XV в.: ГИМ, Уваровское собр., № 515. См.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 356—357.

(или «светилище»), редким в памятниках древнерусского языка, но хорошо известным в южнославянских текстах. Второе — это инверсия фразы, при которой обстоятельство времени — первая обязательная часть формуляра летописной статьи — было перенесено из ее начала в конец, а группа подлежащего вынесена на первое место. В результате этих двух изменений летописная статья, содержащая только информацию, оказалась представленной в торжественной литургической форме: «Светилище святые Богородици освятися». Редактору удалось добиться такого эффекта, что в первых словах записи слышится как бы трехкратное «освящение» этой церкви.

Целью этих изменений летописного сообщения было, очевидно, приближение его формы к Похвале Ростиславу, чтобы оно могло рассматриваться как составная часть Похвалы. В связи с этим возникает вопрос, принадлежит ли обработка этого сообщения автору Похвалы или нет. Для ответа на него у нас мало данных. Форма собственно Похвалы вполне завершена, памятник оканчивается заключительным пожеланием «аминь», а летописные сообщения даже в измененном виде чужды этому произведению и по форме и по своему источнику. И вместе с тем мы видим в обеих частях один и тот же прием работы автора — смелое stalkивание, сочетание нескольких однокоренных и близких по звучанию слов: «занеже дал . . . , а бог ему дать»; «дал бо жия богови часть, а бог . . .»; «царствовати . . . царство небесное»; «светилище святые Богородици освятися . . .». Наряду с общностью темы обеих частей и единством их назначения это может указывать на то, что автор Похвалы и редактор летописного сообщения — одно лицо.

13. Подводя итоги исследованию, нужно повторить, что Похвала князю Ростиславу в Нифонтовском сборнике может рассматриваться как памятник, созданный в Смоленске, при кафедральной церкви Богородицы, во второй половине XII в. в связи со смертью князя (умер в 1167 г.). Произведение принадлежит к жанру кратких посмертных княжеских похвал, известных в летописях и прологах конца XI—XIII в., и имеет ряд черт, сближающих его с такой ранней княжеской похвалой, стоящей вне этого жанра, как Похвала Владимиру Илариону. Задачей автора этого произведения было обоснование права князя Ростислава на церковное почитание в Смоленском княжестве, на местную канонизацию. Достижению этой цели подчинено и содержание памятника, ограниченный перечень тех поступков и добродетелей князя, которые достойны памяти современников и потомков.

Неизвестный автор Похвалы принадлежал, очевидно, к клиру кафедральной церкви; это был образованный политик, талантливый писатель и юрист, возможно ведавший епископской канцелярией.

Похвала князю Ростиславу и ее вторая часть — летописная запись об освящении церкви Богородицы являются ценным историческим источником для изучения церковно-политической и архитектурной истории Смоленска, а также содержат материал для восстановления смоленского летописания XII в. Вместе с тем это произведение — незаурядный памятник древнерусской литературы и уникальный, наиболее ранний памятник литературы Смоленска времени расцвета культуры Смоленского княжества. Указанная уникальность этого произведения не позволяет определить, какие из подмеченных его черт и особенностей можно считать присущими литературе Смоленска этого времени, как крупнейшего культурного центра, а что появилось благодаря индивидуальным приемам его автора. Однако введение Похвалы Ростиславу в число памятников литературы Смоленска XII в. поможет восстановить одну из утраченных страниц истории культуры Смоленского княжества.

14. Похвала князю Ростиславу публикуется по правилам, принятым в ТОДРА. При этом киноварное заглавие и первый инициал выделены

полу жирным шрифтом, буква «есте йотированное» заменяется на е, «зело» — на з, «от» — на о, «ук» и «оу» — на у, «аз йотированный» и «юс малый» — на я. Однако буквы *i*, *ѣ* и *ѝ* (и в конце слова), а также паерок (обозначаемый ниже знаком апострофа) сохранены для лучшего понимания древнего уникального памятника в списке XVI в. С этой же целью буквы, опущенные под титлами и в конце слов, даются в скобках, а выносные буквы даются курсивом. Славянская цифирь, в понимании которой существуют разногласия в литературе, сохраняется.

О великом кн(я)зе Мьстиславе Смоленскомъ и о ц(е)ркви ||

л. 468 об

Сеи трeбл(а)ж(е)нныи и с(вя)тыи княз(ь) Ростислав, с(ы)нъ М'стиславль, внук Володимирь б(о)жием повелѣнїем, и с(вя)тые б(огороди)ци, и о(т)ца своего м(о)л(и)твою прииде первое в'град в'Смолинескъ на княжение, и видѣ смолинскую ц(е)рк(о)вѣ сушую под Переясловлем, и негодова, и з'дума с бояры своими и с людми, и постави еп(и)ск(о)па к'ц(е)рквѣ^а с(вя)тыя Б(огороди)ци, и уял часть от всея области своя, и дал с(вя)теи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу, и болѣ люди сия и землю просвѣти. И скончася заповѣд(ь) г(о)с(по)дня о Ростиславе, яж(е) реч(е): «бл(а)гии рабе вѣр'не, в малѣ быс(ть) вѣрен, надо многими тя поставлю,^б вниди в радос(ть) г(о)с(по)дина своег(о)»,¹ занеж(е) дал б(о)жия б(о)г(о)ви часть, а б(о)гъ ему дас(ть) за доброту его сторицею и ц(а)рствовати в'всеи Руской земли, а на оном свѣте — ц(а)рство н(е)б(е)сное. И препровадив б(о)гъ дни живота его в'славу, и в ч(е)сть, и кончася м(еся)ца марта ДІ.^в Аще кто поревнуеть того трeбл(а)ж(е)ннаго и с(вя)т(о)го княз(я), от б(о)га примет(ь) сп(а)с(е)ние, а от с(вя)тые б(огороди)ци заступление; паки ли — да сам си вѣда. Ростиславу вѣчная памят(ь), а живым — на многа лѣта. Амин(ь).

л. 469

С(вя)тилище с(вя)тые б(огороди)ци ос(вя)тися от Мануила перваг(о) еп(и)ск(о)па града || Смоленска м(е)с(я)ца августа 61 д(е)нь, индикта ГІ, в лѣта С.Х.Н.Не.

л. 469 об

(ГПБ, Q.XVII.15, лл. 468 об.—469 об.).

^а Испр.; в ркп. ц(е)рквѣ.
¹ Матф. XXV, 27 и 23.

^б В ркп. т испр. из л.

^в Испр.; в ркп. да.